

Портрет.

«Обвиняемый в совершении преступления считается виновным, пока в суде не будет доказано обратное.»

Презумпция вины.

Это осеннее утро начиналось для молодого стенографиста Влекоградского центрального участка городской стражи Велимира Жавотинского, как обычно. Разложив свои вещи, он принялся засовывать казённую бумагу в печатник – диковинное изобретение, разработанное учёными его прекрасной страны, способное печатать любой текстовый документ, набранный на кабинетном ЭВМ. Ещё одной вещью, которая так же не имела аналогов в остальном мире, по крайней, так говорили на презентации месяц тому.

Сказать, что его всякий раз при совершении данного ежедневного ритуала распирала гордость от того, что он имеет честь работать с такими уникальными приспособлениями - ничего не сказать. Велимир, как и его сограждане, неописуемо любил свою прекрасную родину и их мудрого вождя, заботившегося о них всех, как о родных детях. Каждый житель чувствовал его заботу в любом аспекте своей повседневной жизни. Для кого-то её проявлением была возможность ездить каждый день на работу в город на утренней электричке за пятнадцать пенгё. Для кого-то забота руководителя выражалась в получении путёвки от работодателя на Минеральные воды. Для Велемира же она выражалась во всей его жизни. Стенографист был благодарен стране и великому лидеру за возможность жить в приличном районе, работать в главном стражницком участке Влекограда и с такой техникой в то время, как большинство таких же стенографистов по всей стране до сих пор пользуются печатными машинками.

Проявлениями благодарности всех граждан служили портреты Великого и мудрого вождя, которые должны были висеть на видных местах во всех учреждениях. Для каждого места портрет был особым, отражающим всю суть

учреждения, где он висел. Например, в больницах на Вожде был белый халат, а по лицу было видно, что он желает больным быстрого выздоровления, а врачам усердно трудиться на благо народа. В городской же страже, где работал Велимир, Руководитель на портретах был одет в форму офицера стражи и взирал строго, но справедливо.

Под его пристальным взглядом он проводил свои рабочие дни, печатая и перепечатывая всевозможные многочисленные документы. При этом стенографист не забывал периодически стирать с портрета пыль и обновлять его за свой счёт, согласно директивам сверху. А раз в месяц Велимир менял рамку портрета. Делал он это вовсе не из-за страха получить штраф за содержание рабочего места в ненадлежащем состоянии. Этим, как считал Велимир, он выражал своё собственное особое уважение к Руководителю.

Кроме этого портрета на стене, у него имелся поменьше, стоявший на рабочем столе рядом с ЭВМ. В отличие от того, что на стене, этот портрет не имел красивой рамки и Великий руководитель был не в стражничкой форме, а в чёрном пиджаке.

Велимир получил его как подарок от школы на выпускной, и с тех пор считал его своим талисманом. Великий вождь сопровождал его своей лучезарной улыбкой и воодушевляющим отеческим, практически, во всех жизненных ситуациях. С ним он ходил сдавать экзамены в университете, удачно участвовал в студенческих викторинах и проходил собеседование на престижную работу.

После всех приготовлений Велимир любил смотреть на него, представляя, будто Вождь стоит прямо перед ним и вот-вот повесит на грудь высшую награду- Орден Великой родины. Данное действие наполняло его решимостью на весь рабочий день. Этим он и занялся после того, как заправил бумагу и включил вычислитель.

От любования портретом Велимира отвлѣк резкий звук открывающейся двери и приветственный возглас:

- Слава нашему Мудрому вождю! -

- И Великой родине! – отозвался стенографист, встав по стойке смирно.

В кабинет вошёл старший поручик Вучич, ведущий впереди себя жилистого молодого мужчину в наручниках, одетого в бежевые штаны и белую рубашку с желтоватыми пятнами.

-Вольно, Жавотинский! - скомандовал Велимиру поручик, как только подвёл арестанта к его столу. - Вот я тебе тут кадра привёл, спекулировал у Главного вокзала, гад! Ещё, говорят, его там неоднократно видели. Заведи-ка на него стандартную форму, будь так добор. -

-Сейчас, сейчас, пан Вучич, всё быстро сделаю. Так, где она? - стенографист принялся искать нужный формуляр на ЭВМ- Вот, стандартная анкета задержанного. Начнём, назовите, пожалуйста ваши имя и фамилию. – обратился он к мужчине.

-Гжегоржш Бжештоксекевич. - мгновенно выпалил арестант.

-Простите? Как? – переспросил Велимир.

- Гжегоржш Бжештоксекевич. - спокойно повторил тот.

-Что, что? - вопросительно посмотрел на него стенографист.

-Бжештоксекевич- продолжил гнуть свою линию арестант- Гжегоржш. –

- Чего неясно, Жавотинский? - огрызнулся старший поручик- Он же чётко сказал: Гжегорш Бжешток... Дальше ты слышал, верно? -

- Да, да, да, пан Вучич. Сейчас, я просто думал какую букву е поставить: долгую или нет. - принялся оправдываться Велимир, нервно перебирая кнопки на вычислителе.

-Да, какая к чёрту разница! – озлобленно сказал Вучич- Всё равно потом найдём его документы. -

- Понял. Готово. –Велимир быстро набрал нужные слова на клавиатуре, затем обратился к арестанту- Теперь, назовите дату и место вашего рождения. -

- Девятое травня тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, Вйеликоштрацко Грдовиште, бановина...- не успел договорить мужчина, как его оборвал вошедший в кабинет стражник, который после официального приветствия подошёл к старшему поручику и передал ему синеватый паспорт и лист желтоватой бумаги, который оказался ориентировкой с фотографией того мужчины, что сейчас стоял перед Велимиром. Вучич пристально посмотрел паспорт и сравнил его данные с ориентировкой. Затем он с удовлетворённо-высокомерным взглядом посмотрел на арестанта и сухо спросил:

-Гжегош Бештоскекевич, значит? -

- Вообще-то Гржегоржш...- начал было арестованный мужчина, как вдруг получил от старшего поручика синим паспортом по лицу.

-Хватит придуриваться, пан Дьюла Маррош! - рявкнул Вучич- Думал, сукин сын, зашьёшь паспорт в куртку и пронесёт? Ничего подобного, спекулянтишка хренов! -

- А всё так хорошо начиналось. – сквозь зубы проговорил арестант, потирая ушибленное место руками в наручниках.

-Да плохо кончилось! Теперь тебе остаётся молиться, кому хочешь, чтоб тебя депортировали назад в твою Венгрию, а, учитывая, что ты помимо спекуляции водил за нос следствие, вряд ли ты когда-нибудь снова туда попадёшь. – после этого высказывания Вучич приказал стражнику отвести арестованного в допросную для дальнейших разъяснений. Тот, отдав честь, повёл сказавшего что-то по-венгерски арестанта из кабинета.

- Что же до тебя, Жавотинский, - строго обратился к стенографисту Вучич- то ты оштрафован на пятьдесят пенгё! -

- За что, пан, старший поручик? – возмутился Велимир.

- За ненадлежащее выполнение своих обязанностей! – Вучич с надменным взглядом наклонился к нему и пригрозил - А будете пререкаться с начальством, я вас оштрафую на целую крону плюс дам штрафную работу, ясно? -

- Д-д-да, пан Вучич. – покорно с заиканием произнёс Велимир.

- Чётче! -

- Да, пан Вучич! – выпрямившись в кресле, выпалил Жавотинский.

- Так-то лучше. – старший поручик обратил своё внимание на портрет Вождя, стоявший рядом с ЭВМ- Вижу вы приобрели настольный портрет нашего Мудрого вождя великого руководителя отца нации главы великой и необъятной родины верховного главнокомандующего армии и флота бана банов гения Адриатики Николае-Йозефа Ярузельского. -

- Вообще-то, - сказал Велимир- он у меня ещё с института и всегда тут стоял.

- Странно, - старший поручик Вучич взял в руки портрет и начал его пристально рассматривать - сколько я был у вас в кабинете ни разу его не видел. -

- Может быть, я просто не ставил его на видное место. - предположил Жавотинский.

- Вполне вероятно. - Вучич протёр по портрету пальцем и добавил- Не забудьте протереть его как следует. А теперь возвращайтесь к работе. -

-Вас понял! - выдал стенографист, а старший поручик поставил портрет назад и вышел из его кабинета, закрыв дверь с таким же грохотом, с каким он её открывал.

После его ухода Велимир, вздохнув с облегчением, поправил фотографию Великого вождя, одарявшего его оттуда своей лучезарной улыбкой. Жавотинский улыбнулся ему в ответ.

Весь оставшийся день стенографиста прошёл в стандартной рутинной работе, которая так ему нравилась, несмотря на её однообразность. Под конец

рабочего дня он, как всегда аккуратно протёр оба портрета и рабочий стол, после чего покинул любимый кабинет. Всякий раз его провожал своим взглядом с огромного портрета Мудрый вождь, напоминавший о том, что завтра Велимир так же придёт на своё рабочее место. Значит он может спокойно закрывать дверь на ключ и идти домой, где его ждали родные, тёплый ужин, часовой просмотр главного канала в кругу семьи и мягкая постель.

Дом, где он жил, располагался в нескольких троллейбусных остановках от Главного стражницкого участка. Это было стандартное пятиэтажное жилое здание, коих во Влекограде двадцать лет тому назад, во времена тёплых отношений с Советским союзом, было построено немерено. С тех пор они сохранились в первозданном состоянии, правда, за исключением того, что в честь сорокалетия Великого руководителя их приказали перекрасить в тёмно-серый цвет и повесить его портреты последнего образца во всех коридорах.

Отец Велимира был в нём управдомом, и поэтому его семья имела самую большую квартиру с железной дверью на втором этаже. Не сказать, что стенографисту не нравилось жить вместе с родителями и младшей сестрой, и всё же ему хотелось большей самостоятельности. Всё-таки Велимиру, как-никак, было двадцать четыре года. Однако очереди на собственную квартиру ему предстояло ждать ещё лет, как минимум, пять. Что же до комнаты в стражницком общежитие, про него в участке такое говорили, что он с большим удовольствием бы провёл год в тюрьме, чем день там. А с семьёй было хорошо: отец радостно встречал после работы, крепко обнимал сына на пороге, по-дружески спрашивал, как прошёл день и жаловался на разных буйных жильцов. Потом они с Велимиром сразу шли на кухню, где мать готовила очередной кулинарный шедевр из дефицитных продуктов, взятых ей из универмага, в котором она работала. Заметив сына, мать всегда бросала

работу и шла обнимать его, задавая попутно вопросы, идентичные отцовским. После этого она целовала его в щёку и возвращалась к делам, а Велимир с отцом садились за ненакрытый стол и начинали разговаривать. Разговоры велись на всевозможные темы: от футбола до политической ситуации за границей, где люди, как утверждали в новостях, живут в хаосе демократии. И даже в дружественных странах ситуация, по заверениям политологов, была не лучше. А всё потому, что, хоть у них и были Великие вожди или направляющие партии, их заменявшие, но не было того самого Великого вождя, которым так гордились все жители страны. В этом Велимир был согласен с отцом, как и с остальными десятью миллионами согражданами.

Под их разговоры мать заканчивала готовить еду, ставила её на стол и они все вместе начинали трапезу, параллельно ведя приземлённые беседы в основном на бытовые темы.

А чуть позже к ним подтягивалась и Янина. Она училась в выпускном классе и проводила в школе чуть ли не двенадцать часов в день. И всё же к концу дня она умудрялась сохранять силы не только на домашнее задание, но и на то, чтобы проводить вечер с братом и родителями. Причём второму Янина уделяла гораздо больше внимания, учёбой она к вечеру была уже сыта по горло, чтоб сразу же после ужина плюхнуться за домашку. Чаше всего они все вместе читали и обсуждали статьи в разных журналах или слушали, как Янина играла на пианино, реже смотрели по цветному телевизору, подаренному Великим руководителем, новости и политические передачи.

И всё это проходило под чутким взглядом их Мудрого вождя. Его портреты смотрели чуть ли не с каждой стены квартиры Жавотинских. Их было даже больше фотографий всех их родственников, проживавших в разных краях необъятной страны. И немудрено, ведь у отца Велимира, как у хорошего управдома, всё должно было быть идеально, как во всём доме, за который тот нёс особую ответственность, так и в собственной квартире. В противном

случае, если госкомиссия выявит какие-то нарушения, придётся семье возвращаться в приморское захолустье под названием Катровица, а Велимиру искать съёмный угол. И наличие портретов Вождя, чуть ли ни в каждом углу значительно влияло на вердикт комиссии. Да и, в принципе, лучезарная улыбка Николае-Йозефа всегда повышала настроение всех жильцов дома.

Тем вечером после ужина всё было точно так же: Янина играла на пианино в то время, как Велимир в очередной раз пересказывал историю про венгра, представившегося непроизносимым именем.

Внезапно раздался резкий дверной звонок. Янина прекратила играть и все в комнате замолчали.

-Кого черти принесли в такой час? – проворчал отец Велимира и пошёл ко входной двери. Между тем звонок всё продолжал назойливо трещать. А Велимир, оставшись в комнате с матерью и сестрой, вновь завёл разговор. На этот раз на тему праздников. Они начали гадать, что подарит им Великий вождь на свой день рождения в этом году. Ведь он был настолько добрым, что каждый замечательный 4 ноябрь он не только получал подарки от граждан, но и дарил их всем без исключения от директоров предприятий до дворников.

Подарить он мог всё, что угодно, главе семьи Жавотинских, например, в прошлом году достался цветной телевизор, стоящий сейчас в гостиной, а кто-то, поговаривали, даже автомобиль получил. Причём не какую-нибудь «Ларку» местного производства, а самый настоящий чёрный «Трабант» из братской ГДР, почти как у самого Великого вождя Ярузельского.

За беседами они не заметили, как в комнату вновь вошёл отец. Лицо его было бледным, а взгляд потухшим. Он молча встал напротив родных и молча начал смотреть на них.

- Что случилось, Рышо? - взволнованно спросила его жена. Тот всё не отвечал. И тут за ним в комнату вошли двое мужчин в чёрных кожаных плащах до пола и серых широкополых шляпах. Они подошли к дивану вплотную и посмотрели

на сидевших презренным взглядом, который бывает только у сотрудников жандармерии.

-Вы Велимир Жавотинский? – обратился один из них к стенографисту.

-Ну, да. - робко ответил тот. Во рту его пересохло от переживания- А в чём...-не успел спросить он, как тот же мужчина и резко поднял его с дивана, а другой надел на него наручники.

- Мы из жандармерии! – надменно и грозно сказал ему тот, что надевал наручники – Вам придётся проехать с нами! -

- Но, что я такого сделал? – отчаянно спросил Велимир.

-В отделении вам всё объяснят! – не понижая тона ответил тот же жандарм – А теперь на выход! -

И под недоумевающе-опечаленные взгляды родных стенографиста вывели из квартиры на лестничную клетку, а оттуда на улицу. И всё это также сопровождалось радостным взглядом Мудрого вождя, взиравшего с многочисленных портретов.

На улице уже смеркалось. Повсюду уже светили жёлтые фонари, под которыми стояли пустые выкрашенные лавки и бордюры. Около одного из них стояла кремовая «Волга» жандармов с синими правительственными номерами. По всем законам жанра, она, конечно, должна была быть чёрной, однако жандармы, в первую очередь, должны были не пугать граждан, а вызывать у них уважение и чувство спокойствия за свою безопасность. От того и служебные автомобили их были подобных цветов.

Тем не менее у Велимира этот автомобиль, в который его буквально запихнули, умиротворения не вызывал. Рядом с ним сел один из жандармов. Всю дорогу он держал парня за руку мёртвой хваткой и не спускал с него глаз, как будто тот мог взять, разорвать наручники, выбить дверь и выпрыгнуть из машины, нёшейся чуть ли не с максимальной скоростью.

А «Волга» неслась со всей мощи, даже не останавливаясь на светофорах. Она быстро пролетала улицу за улицей, мчалась так быстро, что Велимир не мог понять, куда они едут. Ему начало казаться, что его везут не в жандармерию, а сразу на расстрельный полигон, дабы, как можно быстрее казнить за совершенное преступление, о котором тот ничего не знал. А потом они вернуться к своим семьям, забыв о нём как об очередном злодее, получившем по заслугам.

Однако приехали они именно к участку, который находился на другой стороне от Дома правительства, где восседал Великий вождь, раздумывавший днём и ночью о своём народе. Между ними располагался огромный начищенный до блеска бронзовый памятник Мудрому руководителю, сидящему на троне, который освещался со всех сторон прожекторами. Они светили настолько ярко, что было светло, как днём.

Тогда Велимир не смог его хорошо разглядеть: жандарм грубо вытянул его из автомобиля за плечо и, захлопнув дверь, повёл его к дубовой двери в Центральную жандармерию.

Внутреннее убранство её практически ничем не отличалось от интерьера главного стражничьего участка, где работал Велимир. Та же стойка охранника с железными турникетами, как в метро, тот же гранитный пол и даже те же зелёного цвета стена. Раз уж что портреты вождя отличались от стражничьих.

На них Великий вождь был не в синей, а в зелёной форме и взгляд его был каким-то более злым, не дававшим никакой надежды. Рядом с вождём также висел портрет шефа жандармов, но на фоне Великого вождя Николае-Йозефа Ярузельского он выглядел невзрачным стариком, нацепившим жандармский китель. Они буравили Велимира немигающим взглядом, пока его вели рна каждой стене, даже в лифте стену почти полностью занимало огромное изображение Вождя.